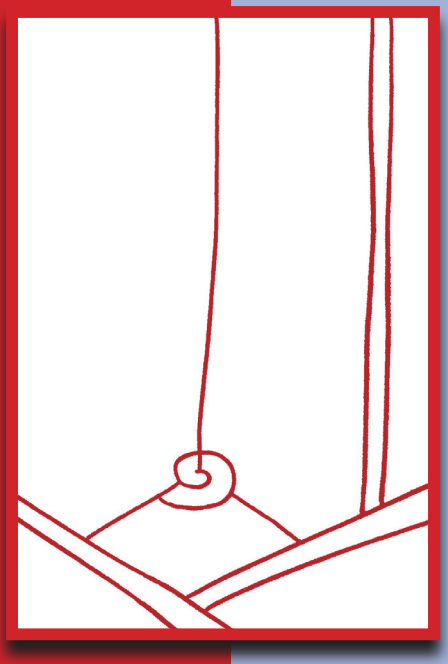
ЗНАКИ ВЕТРА



ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

ЗНАКИ ВЕТРА

ЗНАКИ ВЕТРА

3

июнь 2010

Иерусалим и окрестности

Куратор проекта – Фаина Колодная
Координаты для связи:
fainak@mail.ru

Составители
Алекс Гельман и Владимир Тарасов

Художественное оформление – Ф. Колодная

Сетевая поддержка – Г. Ковальский

Содержание

Эпиграф 4

Владимир Тарасов

К эстетике и генезису синтетизма 6

Алекс Гельман. *Сёрфинг* 11

Владимир Лубоцкий

Дерево похожее на вишню 15

Эдуард Семёнов

Любовь расточительных сказок 35

Владимир Тарасов. *Из двух книг* 41

общались ветками...

обманутая память неутолимо будит способности к любви...

должен только тот кто хочет

глаза не гложет?..

столбики света в паузы вселились
тьма осталась позади

СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ

Сказать как нельзя

СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ
СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ
СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ

К ЭСТЕТИКЕ И ГЕНЕЗИСУ СИНТЕТИЗМА

Что можно сказать об этом? Синтетизм обнаруживает жизнеспособность неправомочных сочетаний и утверждает её. Что ещё?.. Синтетизм обеспечивает процессу расширения словаря некую надёжность. За счёт непредсказуемости дальнейшего развития формы речи, например. Синтетизм противопоставляет себя классике, тем самым, заявляя о своей классичности. Мы не имеем права петь (писать), как пели раньше, хотя не исключено, что говорим о том же. При этом было бы натяжкой проводить между нами и футуристами параллель – вышвыривать за борт (даже ради, так сказать, эффектного жеста) никто никого не собирается. Зачем? Синтетизм аккумулирует достижения поколений, конденсирует их, а трансформация поэтической энергии здесь согласуется с иными законами, сильно отличающимися от рассудочной уравниловки, предложенной классицизмом в его постмодернистском изводе. Более того, сильно отличающимися от уравниловки, предложенной постмодернизмом, как принцип. Постмодернизм способствовал не столько встряске сознания, сколько беззаботному смешению и стиранию границ – это может быть хорошим маскарадом. Да и было. Хватит. Постмодернистское произведение (самое-самое) должно состоять из одних цитат – в концептуальной завершённости своей полное исчезновение авторского лица. Нас такой вариант не устраивает, хоть и веселил когда-то. Маски уже не тешат. Не говоря о дешёвой «реформе», вылупившейся в обшарпанных коридорах соцарта, к поэзии, в сущности, не имеющей непосредственного отношения.

Синтетизм не случайно озабочен формой конкретного высказывания в первую очередь, ведь не секрет, что уникальность индивидуального переживания требует адекватного выражения. Но актуализовано это переживание станет лишь, будучи запечатлённым во всей своей неповторимости. И только! Форма актуализует содержание, а не наоборот, что вроде бы всем известно, но не всем понятно, когда речь заходит о поэтическом искусстве. Самые щедрые подношения в садах синтетизма ждут возгонки самобытной персональной

изобретательности одержимого творчеством духа. О привычках, царивших до недавнего времени, когда постмодернизмом преспокойно использовались чужие чертежи, а то и чужой голос тут лучше забыть. О сомнительном успехе худосочной прямолинейности, столь неловко вуалирующей отсутствие воображения затёртым «вычуром» бытового мата, тоже лучше забыть – это грошовая обыденность, пущенная в лексическое русло низкопробных предпочтений. А требования должны быть выше!

Превозмочь привычное – вот вполне достойная задача. Её ставит перед собой и решает синтетизм. Каким же образом? Никуда не деться, здесь уместно употребить слово НОВИЗНА. Новизна формы гарантирует присутствие на не затоптанном пространстве. Поэтому, например, синтетизм не тянется за обязательной рифмой – она не обязательна, поэтому не предусматривает наличия везде и всегда чётко выверенного метра – это тоже не обязательно, зато устойчивая и содержательная (НЕ редуцированная) поэтика, индивидуальная, имеющая свой незаменимый стержень, насыщенную периферию и свои стилистические границы – обязательна. Как и взыскательность при выборе средств, вкупе со здоровой брезгливостью ко всему вторичному. Как и хладнокровная дерзость не угождать и изъясняться не популярным языком. Как и свобода называть, не объясняя. Называть, не впадая в мимикрирующий под лирику, плоский нарратив (среди прочего). Выше я уже говорил о непредсказуемости развития речи (авторской) и жизнеспособности неправомочных сочетаний. Для отмеченных липкой непонятливостью, занятых поиском трещин в монолите и демонстрирующих тем самым своё безрадостное дарование (не кислый оксюморон), следует, видимо, добавить: синтетизм утверждает жизнестойкость сочетаний несовместимых качеств и глубинную правоту вовсе не очевидных сопряжений. Занятен в этой связи один, до сих пор не привлекавший пристального внимания, момент: образчики художественного синтетизма обнаруживаются и в поэтической сокровищнице предыдущих веков. *Яркий мрак* (Пушкин!) – хороший тому пример. Число подобных примеров будет расти по мере продвижения взгляда к нынешней эпохе из прошлого двух столетий, если озадачиться обзором истории. И образцы всё-таки меняются, становятся сложней. *Блажен кто называл кремень / Учеником воды проточной* Мандельштама – синтез семантических несовместимостей: чему может проточная вода научить твёрдый, при помощи которого высекается огонь, кремень?

Главным творческим принципом синтетизма является **сказать как нельзя**. СКАЗАТЬ КАК НЕЛЬЗЯ – это дальше рассудка и конкретней намёка, одного из удобных способов ускользнуть от высказывания, широко используемого на полянах *поэтики касания*. Синтетизм – целостная заумь, которая не ограничивается лишь фонетикой, лишь цветовым контрастом

(или контрапунктом), лишь абсурдной семантикой в цепочке связующих звеньев. Более ёмкая формула зауми, вбирающая в себя и то, и другое, и третье, синтетизм принадлежит к экстремальной категории ***за край заглядывания*** в общей эпистемологии мистицизма. Впрочем, об этом лучше стихи, а как непосредственное свидетельство *достоверности* лирического очага – лучше и убедительней. Разумеется, сам уже выдвинутый нами термин, описывающий собой явление синтеза, предполагает наличие диалектического «топлива» у явления, что может иметь своё могучее развитие. Точнее, должно иметь. Правда, это не самый, на наш взгляд, проникновенный и/или невероятный *аспект*: парадоксальная философия развивается путями рассудка, так уж заведено. Диалектика есть слабое и приземлённое подобие «логики» чуда.

Было бы, может быть, убедительнее с моей стороны завалить читателя ещё десятком примеров, совершив пробежку по цитатам, но я не университет. Достаточно упомянуть несколько славных имён: Белый, Хлебников, Кручёных, Введенский, Заболоцкий (на уровне художественного *приёма* всем им не чужд описываемый нами феномен говорения *как нельзя*). То же самое касается некоторых и ныне здравствующих поэтов из поколения 30-х. Анри Волохонский, ещё «Первые травы» (которым скоро полвека, кстати!), однако, ранними стихами дело не ограничивается: у Анри настолько ветвистая *тактика письма*, что аналогичные примеры (как, впрочем, и противоположные) обнаруживаются почти в любой период. Позже него, в 80-е и 90-е годы особенно, отдал этому дань Виктор Соснора – «Мартовские иды», «Флейта и прозаизмы». Из поколения 40-х свою лепту в синтетизм (в нашем понимании) внесли А.Монастырский и А.Драгомощенко. Но по-разному. Синтетический опыт Драгомощенко учит, как можно пережечь поэтическую ткань, обесцветив её и лишив крови эмоций. А это опасно и, главное, жаль.

Синтетизм предвещает совмещения, причём, самого разного характера. В отличие от постмодернизма, главным новшеством которого являлась идейная *деконструкция*, этакое низведение ценностных категорий до профанного уровня, синтетизм конструктивен. Его угодья – целина. В самом прямом смысле. И на всех уровнях языковой действительности, платоновская проза тому подтверждение. И пример Андрея Платонова вовсе даже не единственный: за сто лет до него Гоголь вытворял с языком такое, что современники были ошарашены. Возможности плодотворного совмещения, заложенные в сердцевине самого термина, универсальны и ощутимо расширяют границы поэтического *со*-переживания слова. Что, по нашим наблюдениям, основательно освежит едва ли не тухлую атмосферу литературного пространства современности. Я здесь не оговорился. Тухлую, потому что названной выше деконструкции сопутствовала разлагающая ирония. Та самая, которая девальвирует подряд всё без разбору. Но легче всего говорить, не имея в виду что-либо сказать. В форме ни к чему

не обязывающего «высказывания» ирония подвергает сомнению и… НЕ более того! Простите, сколько можно? Что *нет* или *вряд ли* мы давно поняли, а что же *да*? Поэзия не имеет права позволить себе фальшь. Се – к вопросу «О ЧЁМ?».

Именно в этой связи (многоканальных перспектив развёрнутого потенциала) я высказался в «преддверии» (см. ЗВ-1), назвав, правда, в силу их определённой полярности, лишь два вектора, две «ветви» Иерусалимской школы синтетизма. Герметическая ветвь, создание жёсткой стилистической сетки которой, является результатом импульсов *интуитивной поэтики.* Для этого направления Иерусалимской школы характерно неусыпное внимание к сочетаниям (к *самовитости* сочетаний) слов и их порождающим драму свойствам, что является витальной силой поэзии Алекса Гельмана. Философема поэтики Пети Птаха предполагает *дискурсивный* вектор развития. Последовательное (размышляющее) использование арсенала средств в этом направлении не исключает неистовой безуминки общей задачи создания, таким образом, *поэтики невозможного*, что само по себе игра не простая. Причём, каждое из обозначенных здесь полярных направлений с одинаковым успехом способно освоить как эзотерическую, так и диалектическую области приложения своих усилий. Так мне это видится, по крайней мере. Что касается исчерпывающего определения, могущего рельефней очертить место автора этих строк на нашей карте, то он затрудняется дать таковое в данный момент. Зато отсюда, с этого места, хорошо видна даль. Там различимы фигуры нам подобных.

На десерт же я бы добавил пару соображений.

Не будет преувеличением сказать, что язык (любой, даже не «подтверждённый» небывалой литературой) склонен к синтетизму, это свойство языка. Точно в той же степени, в какой склонность языка к художеству является его свойством. Также не будет преувеличением сказать, что жизнь в своей органической основе является следствием божественного синтеза *неодушевлённых*, казалось бы, компонентов. И в этом – Совершенство Духа!

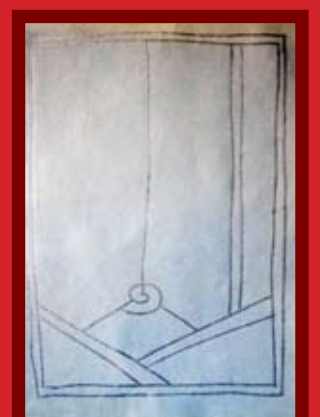
Искусство синтетично ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ. И потому синтетизм актуален всегда.

Иерусалим, зима 2010

Портрет

Алекс Гельман

Порнографи



Алекс Гельман

Сёрфинг

Сёрфинг

СЁРФИНГ

(«Скотт не глазурь глаза / придумай эту вещь»)[1]

Т.Ш.

Слов нет,
а хлебом – пеклеванный

мальчик мой.., пудинг любит

общались ветками (о самом внешнем)

хрупок чугун
реально хрупок

не развязать волны

бригантина-натурщица
мчит облегчённая
градом с листа-берега-города

немногие ноги податливые даты

войлок-сочувствие
войлок-признание берегла
для нескромных отверстий и ягод...

пела, как делала:
«вставь цветок в голову, чтобы я тебя опознать смогла...»
обогащённой близости озвученный стремглав
дистанции и секса расстегай, –
подсолнух чествует стремнину
еды немолодой в одно крыло,
горячих птиц выносливое робко,
предельного родства неутолённый шаг...

«выстрели в него ещё раз
пока душа
его танцует»[2]

[1] см. «ПОРТРЕТ» (ЗВ-2, с.11), первую часть диптиха, «СЁРФИНГ» – вторая его створка.
[2] цитата из фильма В.Герцога «Плохой лейтенант».

что шепчет гиацинт?
фетиш строптив и сладок строк?
стриптиз не может быть печальным

когда войдёт тогда и зяблик птицей
Auch!
над страхом избавленья воспарит –
влеком, собираю, влеком
праздную жимолость

а у неё такие астры
а облако а
а шёлковых ночей беречь-беречь

сравним лишь дух – не различал –
и путает с небес

кроха-Цахес кроха-Берл кроха-Кант Иммануэль
кроха-Цахес кроха-Берл
кроха-скот и Марихен

на свирели перед попугаем –
онтологический вокал
(хулы не будет по любому):

цветы закрыты
дар недовлюблённый

мальчик мой, отороченный
пенку, да?
к пломбиру твоего нетерпения
мне себя подавно

увижу – убью
не увижу – не думаю

глаза не гложет?..

Владимир Лубоцкий

ДЕРЕВО ПОХОЖЕЕ НА ВИШНЮ

ДЕРЕВО ПОХОЖЕЕ НА ВИШНЮ

1

Ангел мой, любимая, ты помнишь: мы подпрыгивали и парили во всех трех направлениях свободы, пока не вышли в резонанс, споткнулись, поперхнувшись, испив до дна дурной водицы.
Как говорят, яшмовый пестик растёр и лопнул в трепетную лилию отравленные пузырьки балласта, надул резиновый воздушный шарик и выжал масла редких благовоний. Восток обрёл покой, а запад – запах.
Я бы продолжил: орёл упал, а черепаха задохнулась, пятясь, втянула б голову назад, да поймана была за жилисто-морщинистую шею тугим кольцом раздавленной змеи, агонизирующей в свежем маринаде схватки трудных родов.
В рези слёз под бой большого барабана, цугом хорёк и скунс пугливо испустили дух, скукожившись сконфужено в низинах. Среди нагромождения истерзанных стволов испуганной летягой взвился сизый вымпел, пустой хлопушкой профанируя безглазую Победу.
Серебряные горны гномов – гинекологов – герольдов спустились на бедро.
Мечи в инерции скользнули в шелковые ножны. Усталые бойцы попарно повалились в подсознанье – на свежепостеленный японский траур простыней, влажно сочащейся проталинами внутренних секреций. Глубины сокровенных удовольствий сократились, грозя провинциям, охваченным огнём, непроизвольным мочеиспусканьем.
Кокетничая и шепча, журчало, как в биде, потерянное время, аккомпанируя себе на сямисене за тонкой ширмой, где орнамент: журавли и лисы нос в нос лакают из обоюдонеудобной тыковки-горлянки под сенью ветви персика в цвету, как нежные и чуткие юннаты.
Тем временем в анатомическом шел на ура, неподцензурно и в прямом партере, спектакль на двоих: «Гальванизация похабно растопыренной лягухи на скользком подиуме без аплодисментов». Отдельные хлопки, надежно сбереженные к финалу, переросли в овации и крики: «Бис, Бис, Браво!» Начало с нестареющей находки: слепое удаление кишок стерильными ланцетами, и в полной темноте. Остатков лишних и ненужных мокрых и ажурных тканей с разбуженных натертых и натруженных желез.
И далее по тексту: «Ну-с, снимай бурнус», – суфлер профессор Генри комнатной партнерше, вставляя инструмент...
Сглотнулось, отделилось, отлилось. Всё точно по сигналу. По-девичьи алея,

темный занавес упал на вентилятор, надулся и поплыл.
При переменной частоте сношений два снежных полюса налились силиконом и вздрагивали, не попадая в такт плохим порнографическим романам.
Но, слава богу, руки заняты ногами. Ничего (зеро) не пролилось. Не заземлилось. Эксперимент закончен конвенционально удачным холостым плевком забытого на стенках в прошлогоднем акте подводного ружья. И в наступившей на живое гулкой тишине звонком к антракту – взвинченная муха о неразбитое на счастье большое демонстрационное стекло.
EXIT! Не хлопнув дверью зал опустел, и просветлело. Дождь кончился, пролившись между переборок. По мокрому прорезались глаза. Барометр в упадке сил показывает грёзы. Шлепки, щипки, покусы и царапки. Ах, оставьте – душно!
Осталось бегать голыми ногами по теплым лужам иль быстрою ладошкою плескать, гоняя гладких рыб в биологическом бульоне. С отрезанных вершин в желудок, булькнув, обвалился камнем голод.
Алхимия любви – дурно усвоенная лженаука – искомого плода не дала. Все съеденное накануне превратилось в жижу. Продукты: вареная картошка, масло, курица и сельдь – прошли круговорот, но не вернулись. Подверглись впустую варварскому жадному обмену – переработаны и выпиты до капли. А выделенный конденсатом пот разделен, смешан дважды, впитан простынями. Тончайшего и хрупкого стекла пробирки сна, где теплились объекты, растаяли и лопнули под мелким наждаком-нулёвкой шершавым языком, облизывающим слабую большую батарею, аккумулирующую призрачную страсть блуждающими в щелочных болотцах огоньками.

2

Любимая! Однажды нас разлучил, толкнув в пучину, молчаливый ложноглазый капитан (у вас с ним что-то было?). Я закричал, ты помнишь?
Последнее, что вышло, – воздух в наших ртах. И я переродился в объятиях неосознанных эмоций, привставши на кушетке. Не хватало панталон. Мешали еленеуловимы запахи аптеки за углом, угрозы умопомешательства и антиквариата.
Стыд захлестнул меня, как опытная плетка графа. Но ты, багряногубая невозмутимая и милосердная сестра, отбрасывая прядь, роняя челку, натуральной, чистопородной уличной блондинкой, брала мазок послушным и подручным матерьялом.

О, скольких ты спасала и спасешь умелым и живительным прикосновеньем!
Унылый дух воспрянул над полем брани под сладким бременем тяжелого гипноза тела. Шатаясь над окопом, встал израненный боец, расстрелянный всухую, как на учебных стрельбах (был по ошибке похоронен дважды). Бред, порожденный ласковым изнеможеньем.
В ушах не отгремело эхо прошлой канонады. В ущерб грозы пошла рыбалка.
Запрыгал весёлый скачущий буёк в мутной ряби мелких лунатических оргазмов. На фоне сумеречных размышлений в пользу вороватого куренья в руку не взатяжку пахучих необрезанных сигар ночных ковбоев. Сосанья (luftgen) карамелей, раковых нечистых шеек, инфантильно, по привычке, к единственно доступной сласти (страсти) тоскливых городских окраин (Leit, рекомендованный от никотинного воздержанья).
Купания на перекопе под уздцы женоподобными порочными мальчишками горбатого и красного конька...
Сказать иначе... Владелица пахучего цветка с распущенными многоопытными лепестками и арендатор дружно отловили на панцирную сетку, перекатывая там тугой бескостный кожаный мешок, набитый до краёв моллюсками и спутанными водорослями-волосами, перламутрами кишок, креветками и слизью женских принадлежностей и муторных переживаний.
Ободранный банан мужского естества был подан по-китайски, в горячем алкоголе. Глазурь-слюна, с засохшими остатками безе на взбитых пестиком кривой гвоздики сливках (на груди). Добавить чуточку корицы и сметаны. Сахарная пудра, рисовая водка, лимонадный сок. Screwdriver, употребленный внутрь и снаружи. Десертный гоголь-моголь с пенкой, на блюде яблочного мусса. Чтоб было что посасывать, постанывая и причитая, нелепому гурману. И, осторожно повернув, использовать бочком, любимая моя. Сосредоточив взгляды на самодвижущих лопатках. На незаметную подкожную татуировку: трех маленьких и голеньких дрожащеньких визжащеньких весёленьких девчонок, подпавших добровольно под возбужденную толпу торговцев оптом (который год на рынке впечатлений) зажатыми меж ног фаллическими символами – огурцами, пистолетами и фиолетовыми кабачками. В обмен на полустёртые купюры потрепанной валюты, еще не потерявшей ценность, что трубочкой завернута, затянута обманом в черный бизнес.
Непрошено нагрянув, на коротком поводке наводки, удачная ревизия картона подсознательной картины, обшарив темные углы притона, там обнаружила единственный предмет. Присутствующие по смыслу понятые понимающе переглянулись. Потребовалась подпись. Как обычно, все поторопились. Ошиблись, спутав дату. Событие уже имело место. Вот заключение впотьмах составлено на гнутых ножках потревоженного стула. Сигарный дым – непозволительная роскошь для поэтов. Рвет груди легкие (рвет лёгкие в груди) и горло сонным юным леди.
Гомоэротика содомского греха с доказанным участьем пресловутого тельца (дельца), чей яркий образ на последнее мгновенье запечатлелся золотым колечком ободка на плотной потной гладкой (гадкой) коричневато-красной штуке. Размером в восемнадцать с половиной.
А вот ещё: обыкновенная зубная электрическая щетка (хорошо не бормашина). Подарок от знакомого врача до боли постоянной явной пациентке. Доступной и

располагающей (собой, к себе, – как правильно?), открытой трогательно. Что угодно? Как хотите?
Люминесцентная галлюцинация дневного света. Гигиеническое просвещение сквозь сумерки античного сознанья. Всё фикция! Что плотская любовь? Не почва под ногами, где восемьдесят фрикций – отсутствие фантазий.
Нет основания не доверять диагнозу специалиста, учитывая глубину знакомства с темой. Ветрено и жарко. Крылатый непоседливый говнюк не облегчает муки счета. Такт в пару тысяч колебаний не под силу даже зубочистке в её двусмысленной вибрации-работе.
Одна старинная легенда, рассказанная в связи с этим, так гласит. В неком прокуренном пристрелянном пространстве под мокрым животом ползущего не по своим делам бомбиста открылась свежей раной багровая глубокая дыра, в которой по ошибке, вместо ватки, упав, хранилась связка противотанковых гранат, торчал шнурок провокативно.
Сирота и бедолага, зажмурившись и заложив беруши в уши, не удержался – дернул. Всё вдрызг разорвалось! Запрыгали кусочки влажной плоти по полу, потолку и стенам, как маленькие алчненькие аленькие рты безмозглых и беззубых податливых беспозвоночных, стремительно вегетативно размножаясь и заполняя помещенье до упора...
Но вовремя поспел кислотный дождик, смыл заразу и угрозу из полного помойного ведра пролитых загодя неактуальных более переживаний. До полного их истребленья и исчезновенья. Те запищали и запузырились рыбьей кровью, бесследно растворились, чтоб им пусто было. Опасность – тотальная любовь со всеми вытекающими – миновала.
В плохое место сквозь подорванную щель вкатили двух стальных ежей и набросали доверху колючей проволоки, пустых консервных банок с острыми краями, горящих по запарке окурков сигарет, присыпав сверху противопожарным прахом, перхотью и пеплом, песком сожженных неоконченных романов. И по инструкции забыли кол на память. Не вспомнив, трижды поплевав и обойдя по кругу. После по сюжету сняли фильму и прокатили в разных странах, с большим коммерческим успехом, бюджетным призраком экономических побед и пьяных изысканий.
Тем временем в затерянном первопричинном мире – трагическом пространстве, экзотической среде – раскачивался допотопный розовый вагончик. Дом-haus на колесах, полуспущенный транквилизатор, украшенный курьёзной курьей лапкой. На полустанок в полусвете, едва заметна и без тормозов, подъехала с панельного перрона полудама, отчасти лесбиянка, отчасти амазонка. Немного пошловатая, но шаловливая провинциальная особа. Серийная преступница, свободная охотница и сводня до повторяющихся ритуалов, ритмических обрядов белых голых танцев, поклонница горизонтального вуду. Смущая скрытного смотрителя (казенного невидимого чина) глубоким сокровенным и продольным безнравственным разрезом, незаметным невооруженным глазом декольте, боа небрежным – пухом, перьями истерзанной подушки, налипшими на вздернутых и покрасневших грудях.
Почти дитё, пуская краем слюнки, не отходя от кассы, не особо целясь, сквозь лайковые шелковые складки незаштопанной застиранной вуальки, метко разрешилась

двойным дуплетом отполированных до блеска вороных стволов запрятанного в рыженькую вытертую муфту дрожащими вспотевшими руками компактного крупнокалиберного помпового пистолета. Бесформенный положенный свидетель, непрошенная, брошенная жертва точных расписаний так и не узнает, что за бредни вынашивались в неуёмной тряске под сорванным до крика краном дешёвого купе плацкарта на жесткой пульмановской койке международного экспресса-трансконтиненталя, вниз головой в никелированном экране-раме. Что отражает, раня сердце, незнакомую лубочную картину: раскинутая мона-лизой мандрагора, опрокинутая навзничь, сжимает талию свежеповешенного за ночь горла, ne morshas выпивает, выдавив и высосав до крайней горькой капли, прописанную гормональную пилюлю, загадочно и строго улыбаясь...

...И, вынув кривой колючий коготок, не по годкам смышленый мальчик-с-пальчик, запущенный в трубу остывшего осклизлого камина с черного прохода, царапать душу тоскливой бесприютною ночною ласточкою-мышкой. Мешающий сосредоточиться запутанный поскребыш, шебуршащий в разросшейся патлатой паутине пустого нежилого помещенья, скрипучим неочищенным пером выдавливая редкую скупую слёзку в многострадальной спальной обстановке...

...И, вытерев его по случаю о подвернувшееся к месту привиденье, ненатуральным ненатянутым чехлом, предварительно брезгливо по-отцовски перецеловав всю их немую запотевшую обойму, 20 штучек, один в один подрагивающих малахольных червячков. Но пальчик – остаётся пальчиком. Вот этот, например, – мизинчик, что б ни болтали там ни Розанов, ни Достоевский.

3

От извержения подводного вулкана качнулось, колыхнулось желтое далёкое морское дно. Перевернувшись на живот, отшельник, в лазоревом живущий гроте, увлёк с собой актинию, что с горя присосалась, пустив в него невидимый головоногий корень, раздраженно шевеля в ненужной оборонительной реакции пучками призрачных прозрачных метастаз – неощутимых ядовитых стрелок.

Рачительная кропотливая хозяюшка горы задумчиво перебирала, теребила медное хозяйство, золотую жилку, где на безрыбье пригодится и оплавленная свечка. Над норкой

суетливо замелькал всклокоченный подмокший акварельный лисий хвостик, достойный кисти дяди Хокусая. Косая рыжая многозначительная бровка срамного старого голландца...

К листу нашлась персидская миниатюра: «В общественных приподнятых садках идёт гулянье». Под духовой любительский оркестр инвалидов, безногих и безруких, вальс маньчжурских сопок. А рядом, в открытой низкой сковородке неба, прожаривается приблатненный птенчик – феникс, вонзивший острый гнутый клювик верблюжею колючкой дремлющему царственному истукану в упругий нежный сфинктер. Самка человека повывалила, как на продажу, большие белокаменные груди, на вытянутые руки-лапы, упавшие, отмершие в испуге мифологической (морфологической) загадкой пустынного натурфилософского пейзажа. Бесстыжая Аравия, отбросив паранджу для папироски, за два полудинара показывает взрослым приторные сказки.

По всем прогнозам завершилось ожидаемое чудо: сфинксом оказалась суетливая морская свинка по кличке «Зумуруд», зажатая между вонючими кустистыми горбами в порядке местного экологического эксперимента, укушенная мускусным, искусным и голубоглазым рыжим гадом.

Не глядя, слепой певец – облезлый дервиш – сквозь одноразовый чехол ослиной кожи нащупал и настроил односложный, однострунный инструмент. Ударил, огласив заплеванную лущеными семечками площадь жадного восточного толчка-базара хриплым нечленораздельным воем стихов усатого омара на вычурном наречии проклятого народа (ещё раз, где ты, Зумуруд!):

ha бахура ше ани ohэв уляй авра
эт ha километрим шель заин хай,
еш ла эйнаим шель мешоперет
матай моцецет ве миздаенет...

(Что в запоздавшем, нееврейском-европейском переводе звучит как: «Девушка которую люблю я, прошла километры живого тела, глаза её – глаза поэта во время танца и напева...).

Бытует версия (и неоплатоническая ересь), что активная любовь не требует внимания, вливания дензнаков-афродизиаков, ценностных и целостных систем, пока не опадает недостойно (отпадает недостойный) главный фактор. Единый двусторонний повод-довод, освоенный доступным общим языком, что высунут двурото, проверенный не на словах – на теле, в прозрачной мыльной оболочке-ойкумене, как в радужном и эмпирическом пространстве, выдутом в короткую поющую трубу.

Но под воздействием миграции ночных светил, – колючих черных звезд - возмездий, – несвежий Небосвод прорвется, лопнет. И выпадет незрячий, невезучий, слипшийся глухонемой щенок с неперегрызанною пуповиной. Невскормленный бронзовобляхими сосцами жестокой римской блонды-мамы, что похотливо рыщет в огненных долинах геенома, чей горбоносый и ненатуральный гордый профиль случайно доваял недрогнувшей десницей какой то неизвестный Фидий. И знаю, почему, не уронил.

Документальным подтверждением библиография библиофила. Бескостная колбаска неодушевленной глины-пластилина подтаяла, раскатанная в детских тепленьких ладошках. Ползучая и грустная экспансия из неоправданных ничем, неправедных, заплаканных эрекций, заправленная плотною небрежною рукой за складки кожаной одежды, сквозь полупанк и полубобрик в острой бритвой сделанный надрез.
Спокойнее. На первое у нас пупырышки куриной гузки с забытой в ней вареною морковкой. Листик сельдерея в красный перчик. Отвар всегда готов и прост к изготовленью. Десерт: лилейные бурбоны, слоеный холмик Жозефины (венерин тортик). На завтра – рыбный день. Второй рецепт – из пресного и второсортного повторного сырья любителю литературы:
«Большая голая больная баба, подрагивая брюхом, на карачках, раком, ползёт в озимых зерновых, колясь в ознобе. И истекает на закате, в истерике болтая голыми ногами над фиолетовою пропастью. Ходила по грибы, да заблудилась (чего там не увидишь). А чавкающие под утесом хляби застывают вулканическою лавой, всплывает чудо юды – город Китеж, трагический мираж слафяноскифов, сработанный под топором и без гвоздей, где бьют колокола и лица, под крымской луковицей расписной головкой, а ниже очередь задумчивых полулюдей в рекомендованном прыжковом помещении, где высохли все родовые воды...
Вот та же баба на качелях-каруселях, не одевшись, нервно и надсадно, нескладно запрокинув голову, смеётся. Поднадоевший хлыщ, блестящий, скользкий и холодный, жеманится и мнётся. Поднаторевший штатский фрукт – не лётчик. Сорвавшись в центрифугу, ее уносит далеко в открытый космос забытой шавкой (Белкой-Стрелкой) на лунной нехорошей и извилистой дорожке отрешенно гадить в тишине на убегающую из под гладких ляжек-лапок землю.
Собачья жизнь. Дань времени и моде преходящих обстоятельств. Оброк натурой. Неразменная таньга и иго. Татарщина, запущенный солярис, где живодеры-изуверы бьют палками и месят грязь потухшего красно-коричневого леса, а одинокий гриб, уродом пыжась, кокетничает шапкой голубых кремлевских строевых иголок под фугу Баха к богу остывающего неба...

4

Маятник Фуко, качнувшись дико, замер, прилипнув к клейкой двусторонней ленте извилистого слипшегося серпантина. Шанельного и идеального шоссе, с устойчивым туманом – дурманом изморози придыханья. Одушевляя впечатляющий покой (гештальт-пейзаж) на фоне близких сердцу выспренних реалий гениталий.
Дух пограничных измерений метнулся светло-серой тенью, зимней птицей, не оставляя следа на мятом склоне благожелательной и бело-желатиновой горы; благословенного высокого заноса над незапятнанным и не замазанным

холстом влекущего дурдома горизонта, хлопковой фабричной тканью подпольной фабрики материи-мануфактуры.
Слепое порождение расхожих заблуждений, – метроном, – остановил собой случайно медленное время. Ученый педантичный немец сухо кашлянул, внеся все наблюдения в тетрадь (косые клетки), и замер у преддверья, верно, суеверно поджидая вежливого гостя. Который любит ночь; не прочь погреть озябшие копыта, подбросив пару палок-веток из потерянного сада, в компактный, незатейливый, интимный очажок, по долгу долгой службы или тяжбы, испытывая пламенные пиететы к политикам и авторам стихов.
Иначе говоря, незрелый мастер, вливая форму в надтреснутый сосуд её души, подставив руки, ощутил: что толку, – дао протекает, никак не наполняя до краев искомое пространство рая, и топит в луже вымысла реальность места снов, меняя знак на минус.
Летая от скопившейся усталости, как дети, через ступеньки лестницы, ведущей в небо, пара сбегающих партнеров, два персонажа, взявшись за руки, забывшись, разогнались, извившись, воспарили над недоделанным местечком. Едва не выломав толчковыми ногами металлический штакетник, дребезжащий коровьим колокольцем выпаса на волю. И в воздухе докончили прямую дозаправку лётного нелёгкого резервуара. Негибким и коротким шлангом. Любимая не потеряла униформы: давно сдала на золотой значок весь комплекс упражнений на отдышку и растяжку, – выносливости и наглости ей не занимать...
...У фантастических рептилий нет фантазий. Вместо них – притупленная чувственность охотничьей сосиски, сваренной в презервативе, отрезке вырезки прямой свиной кишки. Фантазии прерогативы брака, достойные общественного порицанья, метанья в бисер, игры в прятки, в салки-кортасары нечистых на руку мечтательных натур. Владельцев банковских, и под проценты закрытых кодовых счетов, любителей уринотерапии. Им мочатся на плешь и темечко за деньги, спасая тем от перегрева под знаком водной крысы, «ондатрии-и-нутры», девиза мелких краж, возни, грызни и вони, за место в перламутровой мерцающей клоаке, полной нечистот, живительной, живородящей, соляной, прописанной нирване. Иначе им нельзя. Становятся забывчивы, улыбчивы, и ходят под себя. Блестя невыбито молочными зубами...
Затянутая заунывная волынка долгой страсти (старинный духовой меховый инструмент из пузыря и палки) никак не связана с процессом и микрокосмом скачущих, как блохи, цифр. Наоборот, она подобна марафону – эпическому эротическому греческому бегу на сорок с лишним километров с хорошей вестью, сжатою в руке, шотландско-кахетинским горным песням, с тирольским перерывом перерезанного горла...

...В ночных сосудах снов оторванными лепестками уныло плавают отдельные страницы книжек Юнга, способные и сами по себе дурной рефлексией подпортить настроение любого сновиденья. Но ласковое солнышко уже встаёт на локте, покрыто лаком пота многократно и желанно. Произвольно начинает день по собственным биологическим часам, исполнив милое коротенькое соло известного водопроводного ноктюрна на кожаной и дряблой флейте, не зажимая дырочек коана. Не портя партии при этом комичным комплексом и свойством, суетливым чарли, вечно путать все выходы и входы в немедленном застенчивом желании поцеловаться, словно торопясь дозаключить порочный брестский пакт в такт остывающим конвульсиям и сладким спазмам.
Большой лелеемый евромладенец, засучив ножками, тяжко дышит в перебитый носик. Сопит, пропихивая в мятый ротик бескостный кулачок.

Задумчиво посасывая, увлекаясь чинно, извлекает ложный неквадратный корень, вертя, елозя округлым похотливым задом. Нежась, ёжась на персональных взбитых сисях, крахмальной несминаемой резиновой груди, где никаких опрелостей и складок. Насильное вторженье педофила в инфантильное пространство не актуально, неинтеллигентно и антикультурно. Как ковыряние в нечистой и не вылизанной ранке, что настораживает, раздражает эго капризного сопливого дитяти. Есть первородный грех и суета сует в невымытом небытии и ожидании двуполого нарцисса. Где отражение рассвета рассеется немедленно, столкнется и сольётся с откровенно неприкрытой скандальностью всех непосредственных реакций. В секунду выявит, укоротит незрелое нетрезвое либидо. Откажет как отрежет. Разрушит доверительную интонацию, возникшую по ходу пьесы...
И неприкаянно, непререкаемо подпольное светило осветило зеленой лампой аладина симбирского шамана, не принятого в высший свет за грубость нрава и картавость, подобную твоей, любимая. Живой, живее всех живых, расстрелянных собственноручно, гипербореев-реалистов, коварный Бланк, могучий разрушитель городков, в самозабвении кричит до третьих петухов на съезде. В известные периоды самокритичность в крови хунвейбинов: и ебля, и письмо – высокоинтеллектуальные

занятья. Кому в них нечего сказать или придумать – не стоит и в помине заниматься. Выйдет архиглупо, – набор из повторяющихся звуков и движений, что высветит за мокрой шорой шторы комнатные архетипы сквозь объективную бесперспективность утреннего мира.
Сумпак – безглазый летчик в кожаном блестящем герметичном шлеме – точно знает план и место, без памяти не выйдя за никелированные рамки запретной взлетной зоны. Указанная география и топография глубинной цели отмечена на штрих-пунктире красной пограничной полосой и голограммой.
Бритоголовым, раздраженным по краям порезом (секретный черный ящик, открываемый без посторонних и собственноручно), что близоруко улыбается в лицо под круглыми и запотевшими мохнатыми очками беспомощною фанечкой каплан.
...одного морского, почти лишенного растительности дна, и малосольного, как груздь в сметане, мясистого багрового цветка...
...И переросток-психопат пустил Офелию поплавать. С тихим плеском побегать тенью в заводях реки. Не раздеваясь. Сорванной кувшинкой скользить над омутом. Белоголовой ивой, склонившейся памелой. Как утлый траурный кораблик, что деревянно бьется в дно души и гулко отдаётся в целом выдолбленном теле, как погребальное каноэ последнего и заскучавшего индейца.
...а после, вылупляясь в кризисе-генезисе творенья, они наоборот труднодоступны, ярки и игривы. Лёгки на подъем и нежны. Как феи-бабочки и балерины, что вкрадчивый ученый и матерый восточноевропеец, гроссмейстер-шахматист (автор резного редкого дельфиньего этюда) троянской лошадью-конем подсовывает за ворота несовершеннолетним. Как черно-белую коробку лакированных конфет, колониальных ярких арий-серий, ощупывая вкрадчиво, склеивая, раздавая этикетки, раздевая. Существо, что кропотливо с изуверской мудростью кропит, копя кротовую карьеру. Чуть что лох-нессом шевельнет нестрашным надувным резиновым хвостом, не оставляя маленьким обманутым принцессам впечатлений, кроме концентрических кругов, стремительно мешающихся с зыбью пустословья, как выпью (сытью) карманного и допустимо криминального аквариума-зоосада.

5

Офорт... Печатные листы хранят следы-черты Онана. Поползновения. Искания и вздохи... Terra incognita, обетованная, не новая земля, последнее прибежище смущенного двоякодышащего существа, библейского не загнанного в сети ласки зверя, хранит предание, известное от тени ветви мирового древа.
Интерпретация и цирковая антреприза: «Тюлень и тюлька на голубом пятнистом шаре». В награду шлепким и усатым ластам – бермудский горький приз, холодный и соленый треугольник, загадочная дельта междуречья. Дань мнемопаузы и многоточья, чей редкий (робкий) эдельвейс, растущий над утерянным граалем, – труднодоступная высокая мечта дивизии эсэс или гестапо, – блудливая и горная

утроба хранит в расселине граната, как снулого, увядшего с конца того сезона, рассеянного альпиниста-игрока. Последнее единственное небо, которое увидит нагой и смуглый ловец жемчужин, не вынырнув из распростертой жадной бездны, косноязычной, мучительно пускающей немые пузыри и слюнки губастой рыбьей пастью, сжимая в опытных исколотых руках что-то вроде коралловой трепещущей звезды с истерзанным, всепожирающим разрезом (их иммиграция – экологическая катастрофа), наученный нырять однажды простым и верным способом – пинком. Искать, ловить, засушивать и оставлять на память смешные хрупкие чудовища глубин в кунсткамеры туристов духа. За мелкую не звонкую монету, подброшенную пьяными матросами для смеха, в компании переносных компактных импортных (японских) кукол-дам, что летнею порою заслоняют солнце с недосягаемого борта линялым круглым белым задом, как надувным воздушным домом плоти.
...В сезон дождей от жарких орхидей отпал трепещущий кусочек, пару сантиметров пропитанного кровью мясца, прикрыт от жала ядовитых мух прозрачной, призрачною тряпочкою-марлей, как легким бризом, флером, бегущих к югу облаков, над сокровенною (седьмою) тайной частью суши...
Так раз за разом, конца не видно – вставлен до упора, отсасывая в сторону, не сплюнув, словно замерзнув, удержаться в воздухе, не лопнув, сквозь несколько мгновений ссоры, сжигая легкие, лысея, злясь от недостатка кислорода, соринкой в веко смаргивая встрявших ангелков, врастает льдинка Кая в медленный расширенный зрачок. Стекляшка в яркую сетчатку. Кирпичик, ласточка в открытое окно – пустое око. Иголкой в световые пятна, пятку...
Увидеть свою душу в этой луже, чье отражение и близко и приятно, погладить гладкую прохладную икру, в ошибке приняв за свою. И балансировать меж тем и этим, как в непонятной непристойной позе современной прозы, свечою подсветив калейдоскоп сменяющихся впечатлений. Отбрасывая запросто эмалевые тени шайки шейки таза на фиолетовые склоны гималаев далеких ватных одеял, сбивая на пол голыми ногами вазы сада дяди вана, полные пластмассовых цветов, нерукотворно изгонять вертлявых бесов, воняющих слюной из глупых ярых морд. И быстро схватывать деликатес, задумчиво пополоскав в промежности рукой, с лицом пожившего енота-виртуоза. Прогуливаясь по горизонтали трясогузкой (поклевывая зерна смысла тощей

птицей интуиций), свести в оставшихся каденциях потребности к движению на нет. Узреть свой мозг – пустой расколотый орех. И, раскрутив на все четыре стороны пупок, в него протяжно свистнуть.
А после медленно, как при искусственном дыхании, закончить, одновременно делая назад двойное сальто, не глядя в развернувшуюся за спиною пропасть (голубой период), подробно выписать все сантиметры сантиментов (увлекательное дело) вжав, смазав, пестик ступы между злых коленок ведьмы, вылететь в трубу по красочному крашеному небу. Присутствуя во сне, продраться в подсознательные дебри, сосчитать до десяти, когда по переборке кулаком ударит сильный запах пота, без спросу возвращая попранное право на одиночество созданья во Вселенной.
И ничему с тех пор не удивляться – в процессе жизни половые органы, изученные тщательно, меняются местами. Во время месячных он будет невыносимо раздражителен и зол...
...Из носика молочника упала капля на меховое блюдце бледною соплей Раушенберга. От резких криков чайки страсти прорвали б клювами бумажные перегородки, когда б не каменно глухие стены в этой части мира, застывшей как перед войной. Их вопли уносились внутрь, натягивая, надрывая душу, отбивая почки порывом ветра в ржавой бочке чужой весны, встающей над заброшенным портом, пропахшим прелью, черным юмором, мочой и гормональным перегаром. Любовь и море, выспренний исход. Уход за телом. Широкая эдемская река остановила масляные волны. Ушла в песок. Частично испарилась, собою отражая медленное солнце откровений.
Грядет апокалипсис, гад и соглядатай. Бездумный вечный циник возвестит: родится от любви гундосый гнусный ёбарь, безглазый безымянный и безносый. И за тобой придет, воздвигнув на живот тяжелый трон из золотой фольги и соли, лазури, меди, олова, свинца. Взойдет и сядет, генный инженер, специалист по боли, зажав в трехпалых лапах, как символ власти, апельсин и бритву. Внесет инфекцию и запрещенную поправку, откроет путь фантомным фактам, не удалив воспоминаний, по живому. Бес высунет язык от подступившего под сердце философского вопроса, приимет валидол и вставит в сладкую занозистую щель, меж школьных половинок пола, оросит межу, пинцетом кропотливо обработанных полей (мой герб – прямая полоса сквозь золотое поле), заблеет, дернет кадыком, вольет дурное семя, спустит...
Рождение и смерть, как до и после, видимо, похожи. Наступит день, – простая перетирка, разработка, усталых механизмов духа. Безгрешная разминка крупа, зоологично пробного замера, забега

и фальстарта. В нем прелесть отрицания себя и жизни всуе. Отказ от интонаций небезопасной доверительной интимности при положенье лежа. Откат, итог реинкарнаций, синтетическое производство, изготовленье крови на кровати, где ритм определяется не изнутри – снаружи, стеченьем органических (при прочих равных) обстоятельств. Партнеры, кувыркаясь, – страх и трепет, – стремительно совокупясь, несутся в стену, бьются друг о друга, на всех парах, лицом к лицу. Лица не видно под прочным колпаком, стеклянным куполом блуждающего цирка, украшенным стекающими в вакуум часами.

Оркестр, расстроенный перед концертом, чей дирижер с моржовыми усами, хрустя, переминается на красных (классных) лакированных штиблетах-ластах, просит свежей рыбки (за первым взмахом фалды крыльев фрака не пощадит себя и жизни, умело управляя бреющим полетом первой скрипки), потоком ветра, гладкой кожей ощущая направленье-время в процессе акта и любовного творенья от созиданья к впечатленью и обратно...
Но роковые страсти иссушают душу, чьи чудо-бубенцы похожи на собачьи, свисают жалобно пустым мешочком, отсосаны, подлизаны донельзя, слюденеют, звеня в сознании нудистскими шарами (гонгом), которые катают на ладони. На каждое – по четверть часа медитаций. Голы, морщинисты и безволосы, красны, как лысина тибетского монаха, просветлены от ритуальных подмываний в холодных и проточных водах ганга.

6

...У нас же первые цветочки – сон да ландыш. Полынь и прошлогодняя брусника родинок на свежей снежной коже, чья россыпь навевает горечь. Их все собрать – не наберется полстакана на продажу...
Сочение прервалось на топтание, пописыванье, шелест записей корзины прелых листьев в смятом изголовье, шептанье-бормотанье... Здесь иллюстрация из книги перемен «Сказание о лисах».
Лиса в лесу нашла ежа. На радостях прошлась по кругу. Смешно сплясав, подбрасывая вертким задом (пусть дети верят, что чиста не телом, покатит к близлежащей луже, – охота исколоть подушки, белые чулочки), затормозила, впавши в транс и ступор, как перед покупкой. Огляделась мельком. По девичьи присела (личное дело), сузив хитрые глазенки, и препаскудно ёрзнула, чтоб максимально тонко уделать звонкой струйкой бедолагу.

Рецепт известен. Нос по ветру. Еж – не балерина. Не убежит на жилистых, кривых коротких ножках. Секреции сведут с ума, романтик не утерпит едкий запах. Обоссанный не хочет жить, не видит смысла. Раскроется и обнажит природу ласкового брюшка. Добровольно сам дойдет до суицида под рыжей хищницей, что острой треугольной мордой вскроет податливый и тепленький животик. И выест, как арбуз, его утробу, выплевывая косточки и шкурки. Икая, сглатывая, нервно улыбаясь от удовольствия. Свой запах, хоть пикантен, – не пугает. Зверь не брезглив, но осторожен.
...И поскользнулась неожиданно в процессе дефикаций на собственной урине. Какая жалость – трепещущим и нежным местом, сосредоточием всех нервных окончаний, дочь норы, оскалив зубы тявкает и воет. Под мехом ежится то в жар, то в холод...
Быть женщиной – биг дил, большое дело! Пригодный в кожгалантерею древний ископаемый народ (древнее кровью, чем хранители ковчега, такой же хриплый, вкрадчивый, гортанный), химера, ящур, ящер, податливый агнец, - козел всех испытаний, змий с сердцем льва, ногами зайца, насильно загнанный в сухую лужу резерваций (то ли заповедник, то ли ферма), плюется ядом слов издалека, сквозь два тысячелетия и половину мира, способен отравить плезир сановного села, и тенью гения (кучерявого фалашмура) скользить в граните Северной Пальмиры.
О гвоздик на заборе (об иглу) прорвалась целлофановая пленка, сквозь которую не видно взрослой жизни. Хихикала и реготала, заигралась, нелепо перебросила потертое колено, не придержась рукой, и зацепилась о ржавую железку с грязной антисанитарной шляпкой, торчащей из облупленной доски. Вдруг поняла, что нет – обратно. (Чем пахнет коврик под ногами: икрой, носками, скисшим шампанским, истериками, экзистансом?). Машина отливала лаком? Трауром полоски под ногтями? Я бы поставил Брамса...
Не помнит, не дрожит, откашливаясь поправляет задранное платье, на красном вытертом пространстве страсти въезжая в развернувшуюся вечность взрослой жизни: хор дровосеков-педерастов, плюс соло девочек, переходящих в женщин. Изысканный подарочный набор квартета-ассорти. Не хуже подвыванья оперных кастратов-итальянцев, сопровождающих унылую последнюю трубу.
Игру в немого доктора, квача, сестричку, письки-попки. Перекличку в отходящих, остывающих дворах слепого детства: поужинать и спать, прослушав обязательную сказку. «Конец для тех, кто любит наказание, отложен»,- говаривал неопытный рассказчик.
Обманутая память неутолимо будит способности к любви ежесекундно. В рамках дозволенного проступили пятна на лице (по методу Макаренко). Шаловливо легкое подрачиванье всегда входило в планы разочарованных мятущихся чувствительных натур, которые проносятся над зрелыми и заливными текущими зелеными лугами ласковых воспоминаний, запущенной щекочущей травой, нескошенной толпой перебирающих ногами нагих до пояса игривых фей и эльфов, под влажным небом, тяжелым обращенным внутрь странным взором козлобородых стариков, играющих на тростниковых дудках,

сидящих в разнополых будках билетеров, охранников заброшенных садов.
О'кей. Распад сознания. Как хорошо и просто. Дитя на свежий воздух – по два ведра не взбитого кипящего мужского молока в сезон, в горах на босу ногу, не расплескав и не запачкав сиреневого в ранних сумерках, простого незатейливого ситцевого кимоно. А ночью птицей, большой и белой, источником бредовых страхов размышлений и фантазий, что видит в темноте с закрытыми глазами (без толмача со сломанным хребтом по всем законам о тонкое и острое колено), когда не спит.
Гнилое дерево с дуплом посередине. Все разрастается. И в нем паук плетет веревочные крашеные сети из груды полусгнивших синтетических носков. Бросая тень, изломанную на перекрестке, качаться с фонарем под
нервную каблучную рысцу по подворотням в магниевой вспышке света, в секунду ставшую чужою обстановке – витрине декораций закрытой экспозиции специального музея.
На закуску – куриная грудная сломанная клетка со стылыми холодными соплями вареного лука. В щепотку соль под хвостик. Под лишний позвонок - безвредный атавизм, под трупный скользкий хрящик, в опрелость, в мелкий гнойничок с провокативно-белою головкой, стерженьком... И высосать, чтоб хорошо и точно знать, уж если очень нужно и возможно, с чем имеешь дело...
Косноязыческие ритуалы... Занятье увлекательно и тренирует пальцы, развивает память... До тошноты и головокруженья...
Тропическая бабочка в двуперстный пестрый галстук, скривя роток, вспорола брюшко о молодой и липкий крепкий стоеросовый бамбук (побеги).
Сказал однажды один игрок, стрелок неловкий, удрученный классик: «Чем больше любят – меньше это понимают. Сбежать – не избежать...»
Запахи любви, подмерзнув, оседают на длинные, завернутые, по-глупому накрашенные ресницы заплаканной нетрезвой белой королевы. Леди-бляди в хрустальных грубоватых жмущих башмачках, натерших у лодыжек сплошь покрытые пупырышками голые до пупа ноги. Что переполнена по случаю, во время бала, пьяной похотью, печальная лежит, живет, жует и нюхает, как иней, вдыхательную соль (два ряда сразу) с непромокаемой бумажки под заиндевелой хвоей. Поигрывая ледой, сжатой между сциллой и харибдой венецианскою ладьей, красным корабликом, как клювом, молодою головой усатого и утонченного испанца, перебинтованной обрывками холщовых рифм, сквозь брызги взбитые белковой пены.
...Не смежив век, не подавив зевоты, прилежно думать о былом, раздвинув перетруженные ноги. Пугая вскользь малопонятным и неприятно отстраненным выражением лица немого грациозного застывшего придурка.
Принца, инкрустированного на меловом немыльном круге тонюсенькими жилками природного морозного рисунка-свойства, что приподняв в пустом приветствии несмятый перемеренный цилиндр, показывает в круговом движенье, ввернувшись в извращенной

форме в оболочку (стучит – не достучится без надежды в прочный корпус) абсолютный ноль. И мелкий несерьезный минус. Озаглавить ложь – он неумеренно поторопился с недораздетым, недоразделенным чувством – лобным местом пытливых изысканий, непыльных неписательских пространств на нивах бесполезной страсти.
Так, милый друг, весталкою на верстаке уходят в память поколений. Но время – поминальный фактор, очищающий похмельное дыханье. Номинальный император с наличием премьера-сегуна, безжалостного исполнителя сегодня.
Что жаловаться на внепланово повышенную грубость совместных туров (из дешевых), в бюро экскурсий – регистраций спонтанных (сучьих) суточных эмоций-эманаций, до захода солнца, перед чашкой кофе-темнотой блистали чистотой, порядком, нынче – помучавшись, потерты и потеряны, потрепаны, нелепы?...
Но мастера любви, не вскрикнув и не скрипнув койкой, стойко, умеют кончить выстрелом в себя, взорвав сознание (эффект неузнавания), и не порвав объятий, не сорвав занятий, упасть с крутого деревянного моста в нестройные подстрочные нечищеные воды, мелькнуть пятном в ночи, едва прикрытые узорчатой накидкой рифмы, не поломав ни ритма, ни скульптурного бедра.
Сияющая эллинская гипсовая эпидерма плавно переходит в первый снег...
Грозя до дрожи грязью, облепленным облупленным разрушенным фасадом раскинулась без смысла, без границ (никто и ничего не знает точно у края серого и северного света) земля циклопов, что путника встречает немигающим, единым, но глядящим в оба, оком. Суровая обитель забытых богом варваров, губастых и курносых, живущих неприметно и убого два тысячелетья, что складывают в хижины квадратом бревна и покрывают их соломой, ворованным линолеумом, толем, шифером, смолой, торгуются охотно общим делом, телом и пушниной. Соболем, дерьмом и досками снабжая половину мира, а выручку меняя на свеклу и сахар. Мешают это, варят на огне и пьют отвар, а от него пьянеют и мечтают, летают к звездам, лезут в драку...
...Далеко на востоке есть дерево, похожее на вишню, чьи яркие красивые цветы, такие липкие, лиловые, что глаз не оторвать – они к ним сами прилипают. Издали смотреть – навек прищуришь веки, сосредоточишься – и зачаруют, вызовут сенную лихорадку – лицо опухнет, вздуется и пожелтеет. За ним – народ пророков,

что сорок лет скитался по пустыне одиноко, пока не озверел и перерезал тьму племен, все записав подробно в книгу, – его с тех пор не любят. А книгу любят. С удовольствием читают. Где правда? Ядовитый каркадил, на удивленье псковичам и новгородцам, приполз пожарною кишкою Босха, шуршит лоскутным алым языком...
...От ностальгического зуда хлопнула разбитая калитка. Резной яичник-палисадник кольнула, дернула зубная боль. Без ревности. Закрытый в тесноте просмотр – показ немого фильма. Растянутой документально-популярной пряной ленты: нагие прыткие дальтоники-ребята резвятся безобидно в разнообразных позах. В больших стеклянных банках – сплошные сутки консервированных, не консервативных впечатлений.
Хорошая история украшена плохим концом. Безвредным способом. Гипербола, как принято – латентна. В жанре жизни...
Закончив процедуру, екнул заключительный аккорд. Три точки на рокордах - осевшим и освоившим попутно несмежную профессию игривым музыкантам амаркорда, что перематывают песенку, как пленку. На оба (я подчеркиваю) нетрадиционные проекционные экрана. Снимая пенки. Для тех, кто любит оглянуться...
У края океана, уставши, отдыхают вымученные велорикши. Остудив потрескавшиеся ступни в зеленом студне глубиной в два метра. Где никогда не видно неба новобрачных безоблачным, безгрешным, голубым... Грузно сидя, покачиваясь гуру в снежных нежных распустившихся цветах, слон – вишну на прощанье машет (тычет, пишет) мягкой каучуковой дубинкой-шлангом, свисающей печально меж двух капустных, в розовых прожилках, мятых листьев...

7

P.S. Удачно пережив две операции по удаленью сердца, любимая, я как ни странно, выжил. Апропо[1] – взорвали. Ты там не была.

[1] Это не описка, имеется в виду теракт, взрыв в тель-авивском кафе «Апропо» в середине 90-х (*от сост.*)

Эдуард Семенов

Любовь расточительных сказок

Любовь расточительных сказок

❖❖❖

Штампом след – и
кому?

Утюгу буквой У не без прелести Жи…

Поперечных животных стран

◆

Ковыляя украдкой
Без увы не бывает

◆

Вечи-горы мечтой

И пор***о***жит
в ужим эстакады

Прорва. Стужа. Жара.
Тени тень по песку –
гололёд чистых правил…

И кивает перед падением.

◆

Кто стороны света примерил навскидку?
Кто ведает путь
их числ***а*** –
два туда, осознание, тыл
дважды первые, дважды никто.

Есть возможность траншею зарыть?

◆

Люблю с тобой в небо
Под всплеск припозднившейся рыбы

Тесновато в груди
Но костюм безупречен.

Быть не строже чем мы с утра –
и пойму в чём моё ошибался

◆

На лесной полосе забвения
что-то есть,
и уже не забуду
что незнание сторожит, созерцая пыльцу
голос алый и тёплый
в рассрочку не купишь

Качеством недвижим

◆

Нежится солнца луч
Тянет прозрачную боль
Уголь стены
Сквозняк
Ставни пляшут огнём –
блуждающий хор

Не успеет стремительность комнаты
на моё постепенно.

◆

Кувшины рук угля не боятся
стынут посреди пепла.

◆

Через два промежутка луны
Через десять столетий Корана
Вожделеть
у коралловой лжи,
просыпаясь лениво и рано.

О, Аллах эти звёзды совсем захотели меня
И пустыня покрылась сверкая сверчком –
алчный вид у подножия веры

◆

Спать мне – я тоже, ещё не сегодня, один –
в предчувствии поз, припаданий,
отрыва.

Тараканьи снятся бега.

Сказочный дух свой потешь –
рваный…
Чарами дышит.

Кто там выдох мой в урну сметает?

◆

Это ли помнит сон?
Красит улитку к осени.

Немытых рук сонливое признанье
Старо преданье весело с трудом
И стадный взгляд, и беглый новый мир
И лёгкое, но всё же умиранье.

Владимир Тарасов

Из двух книг

◊ ◊ ◊

От бесподобия эпохи взвихрен воздух

начало – наш архив

как всё летело к чёрту за совком
метлы единым махом –
любо глянуть:
соц-арт агонии –
шеренги личных дел
постмодернизм
имперская картавость

О тех кто долго леденел не помнят
помнят – кто очнулся
Пульс и полюс

Быстрее или никогда
и
Должен только тот кто хочет

ВОРОЖБА

хоть рукавицы из…
скрипучей…
неувядаемых созвучий
приг***о***ршни (пр***и***горшни они же
недосягаемые иже –
и эти соки неизбывны
как дух земли, судьба и почерк –
неистощим, ещё незыблем
священнодействия источник!)

а то пронзительных и жгучих
чей блеск до слёз неумолимый
вонзится в щель души спесивой

а то и терпких и тягучих –
им редкой дичью служит дно
а речь – ландшафтом (заодно)

а также тех где щедрый случай
вершителем моих побед
(но чтобы – не ломать хребет)

и внемлющих веленьям щучьим –
их бубенцы самозабвенны
бездонны смыслы…
сны нетленны…

◊ ◊ ◊

Е.Д.

Вспомни ещё:
нас подвели взглянуть на голый ствол
(кора с него отодрана)
рисунком древоточца испещрённый кропотливо
немыслимым –
я был зачарован панорамой масок и фигур
магией деяний
обрядов
сцен преображенья...

Боже, что за кружева!

Вот у кого читать о таинствах узора...

◊ ◊ ◊

На хладный взгляд не перечислить
всех скважин медного заката –
как пена верхнего потока
бурлит и наизусть сочится.

Казалось медленное небо
намеревается отпрянуть
но чашу выбирая ветру
её протягивало прямо.

Я наблюдал игру отличий –
тех рек волшебные чешуи –
и принял дар и не жалею –
до сей поры перо чаруют.

ВТОРЖЕНИЕ ПОЭЗИИ

Какие мне слова ещё в пустыне

А.Волохонский

Лучшими подарками в виде снов
оделяет нас будущее –
просто так

Эти знаки тебе предназначены далью
повернуть твоё сердце к брожению времени
хищный клёкот его на пение
переводить
из горловины –
эпицентра мистерии мира

(Счастлив кто черпал горстями от горечи сладость
кто в точило вступил языка без дрожи в коленях
кто вылущивал вещие смыслы из месива звуков
*по виск**и** погрузив средоточие пристальной мысли!)*

В недолгое утешение – тело
в невинное...

А жемчужину
раствори в вине

НОВОГОДНИЙ КЛИН

откуда раздаётся этот звон?..

бесплотной церкви Совершенства Духа
храм к облакам возносится и реет

где слово дышит, отдыхает – тут его опора
вбирает через поры где созвучий первородство
цвет и назначенье их
замысла впитывая соки
как губка впитывает кровь

поляна щедрых воздаяний
её хвалами пчёл доить
(не в крапинку язык и мненье
читаемое с помощью и нет)

служение харит не терпит
речей во время литургии
как белый лист воды не терпит
как медь стило не терпит страха –
в ней свет реликтовой природы
как окоём не терпит цели
а солнца диск – презренный дискурс
как вещий сказ не терпит яви
не терпит трещин чаши дно;

идеологии безмолвны
перед игрой на струнах буквы
божественным их перебором
стихийной драмою аккордов

что тьмы идей пред очи света
который колосится в звуке,
огонь бездонный первобытный?

что их скольженье метеоров
перед небесной панорамой
застигнутой восходом солнца?

что смыслиц крендель с вензелями
пред царственною тенью – Смертью?

так то лишь тень

представь себе КТО царь!

◊ ◊ ◊

быстрого реагирования азбука
живой пар слов

избытки из рога на **из:**
обилия плавники в стороны стремглав –
охоты хребты хищные вслед
(чудеса зрения –
видал?)

сдобные звуки СВОБОДА
набухают
рвутся клубами навылет
языка невод рта поперёк –
лови трепет лови трепет! –
вот он
комочек истины
дышит…

СТИШОК

я бликом пред собою плыл
в скольжении по жиру соли
я думал звук и находил
чт***о*** медь трубит о горней воле

порой казалось – эта соль
пропитанная силы кровью
снимает медленную боль
(да, как занятия любовью)

но ни брусчаткой ни халвой
себя не приходилось мыслить –
позор
подсос и с ним отстой! –
ни перестроить, ни причислить

◊ ◊ ◊

день восклицаний оглашенного с базара
ничем не дорогой и жаркий

рассадник ада и небес однообразный, люди
но до сих пор присутствие отрадно –
вопреки всему

турецкий уд
ворвался в сумерки ступающие скоро
их краткость скрадывая;
земная радость грусти
улицей стекает
за июлем вслед

в харчевне
запели походя с надвывом
вполне восточного окраса
(пока я тут следил за вещью
пока слова вбирали воздух)

А Ф И Ш А

Наперсник ускользающих видений
свидетель малых и торжественных чудес
невольник чести и магнитных колебаний
(шатает, видишь ли, мы загодя, надысь)
минуя объективные преграды
(а это вам не в космос полететь)
с наперсницей держа совет, мы рады
провозгласить:
сей город
предусмотрительно гирляндами огней обвешан
на холмах окрестных –
сверху видно –
неделим и впредь!
Мы нашим объявляем город Йе!
Если угодно – нашей Меккой!
И суры неуместны здесь!
Увы им.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

орбита непосредственно язык
пенки сами льются
как вино

день уже ослеп
гид впотьмах предпочитает начинать
кочующего пламени картину
карнавал
кураж
неистовое шествие различий –
жесты их вспыхивают, тают, утаили,
как ветра роспись унесённые во тьму –
я лишь намеренья по памяти ловлю
гадание по искрам об огне

(сладко вспоминать
созвучий руководствуясь пунктиром)

непроницаемая ясность этой взвеси
её неуловимых очертаний
то тень изгиба, то движенье света
то музыка мерцания волокон
дрожащий блеск зрачками оперённый
сияние, оттенков в***о***лны
ризы
осязаем взор
присутствие незримое за ними
дыхание
неведомая воля
в несметном спектре замысла которой –
как тут не запоёшь! – единство
со-утоляемость контрастов всей палитры;

язык – густые ветви
пущи кроны
глубь –
огня и воздуха гибрид её плоды
она вплетает всех значений превращенья:
инь/ян
(такая *каббала*, китайский интерес и дело –
на языке псалмов, фонемы под копирку)
в слове тайна (помимо *инь* и *яна*) –
сокрыто око, бьёт родник

коварные орехи
пища для раздумий
постижений
для поджелудочных желёз извилин мозга –
они ведь всасывают словосочетанья –
в сухой декабрь здесь
грибница так вбирает влагу
(давно не собирал маслят)

текстура мантии что выше (что виднее)
заполненные смыслом соты
сквозь крону словно пятна света
тягучим знанием наитий
под этой кроною стоящим
стекают в чашу точно мёд

а Лика нет, и не покажут –
никто не видел неспроста

ВЛЕЧЕНЬЯ

снова появилась!..
впрочем, что я, всегда присутствовала
в виде чисел –
незримого сюжета развлеченье
возникло
если с раза – для начала;
дальше
два влеченья – к влаге и к огню
со мной их (разделяют) две стихии:
пластика земли – она гипнотизирует свободой
в ней изобилие имён
соблазны и изгиб несущих
избыточность деталей в ней
пейзаж –
утонуть легко,
второе
воздух – озарения эфир
та**я**щий тающие искры ощущений
видений мысли невесомость
горячий ветер –
часто кажется слюдой –
за нею очертанья блеска
едва проглядывают
ускользая
(любовь как форма ускользает,
не определишь) –
здесь же
можно и сгореть

сложилось три влеченья
нет – сотри
ну, кто б раскинув сеть предположений
подумал что перо
объединит все три
в одно!

◊ ◊ ◊

с голоса наращивая тело
искры вживляя – клетки организма
(заспорили клоноведы: видимо? невидимо?)

подробностей пропись
литьё пламён
жарких лепестков лучей подобье

п**я**тна огня ронять достойно солнца
жар-птицы тоже –
о чём перо ещё упорно знало? –
любовной страсти
(помнит наизусть!)
ронять достойно,
пения
п**я**тна огня рассеять вдоль и шире
словно по ядрышку души
достойно;
на раз пришёл сюда ведь,
не на два же,
потом не перепишешь лепестков лучей –
вживляй хоть сожалений трепещущую прорись,
наращивай желанье или нет,
да что угодно! –
не перепишешь здесь уже о том
томлении искусства
по безумью…

О ПРЕЛЕСТИ

<...>
грех греха в том что он обольщает других?
Но не в этом ведь грех –
в том что он
обольщён был собою!..

<...>
пальчики способные свести с ума
красы касания смешные
такт и чуткость

деликатнейший диктант
(с деликатесом – путать)

робкий перебор и нежность
стыдящейся не тела – проявленья чувств

уст искушение коснуться тайн греха...

Мне очень жаль что ты не рядом

<...>
алкать
души твоей божественный напиток –
у этой влаги
привкус от земли...

до жертвы истины собою до
её отказа от себя...

любови ради

◊ ◊ ◊

усмешка
червоточина смысла
пародия на точный звук
. . . . . .
мне прелесть в лаконичности значений

в прорехах
колыханье эха
мгновенных осязаний тени, –
будущего гнёзда

порою кажется – ясность немоты не терпит
так ли это?
простор в пространстве неразгаданных имён
незыблема удельность иерархий –
ведь пламя камнем не прибито! –
гуляет баловень и мистагог, вокруг поэты
(любимец-гид в сопровожденье свиты),
насыщенные связи
порядок должный сохранён…

за перебежками оттенков
следите по порывам света

патоки с ноготь
роса неведомого сада
вспотевший виноград в зазорах речи
луч скакнул в окно,
нет
не прельщает цвет комфортного надсада
черпнуть же солнца –
самое оно!

ЭТО НЕ ТО

Что до вчера –
продлённый день мелодий оборачивался чаще
гулом
нежели наукой.

Иронии тщеславный торф
(страной накопан)
со ставкой на открытые инстинкты
(плебейские потешки)
как *деревянный сахар* дотлевал
(на километры мгла):
жизнь, знаете ль (победный взгляд) –
предмет насмешки.
Зазубрен воздух
(редуцированный кров).
Ретушь ремесла
(одни косые).
Пробелы пенья восполняет тщательная поза
подобранная на злорадный лад
(хотя Айги просветы между слов
тем временем выслеживал,
не помышлял о лёгком).

А
заглянуть за дым
за чад переполоха –
период оползней:
звезд**ы**
барьеров
искромётных денег.
Оползень Опыта
(срубили сто дубов)
Истории
(рухнула площадка)
Двадцатого столетья
(лес отпет).
Эпоха лопнувших конвойных швов!

Кто спал?
Никто не спал.
Народ безмолвствует (нам пишут)
утирая кровь…

◊ ◊ ◊

г**о**лоса нити
высоко-высоко
(дальше неба)

сетка упругих звуков
переплетения фигур созвездий с мыслью
девятая камена – математик

значенья слов перевести в число
наукой оградив от мира тайну, –
безмерна тайна
и число безмерно
ни записать, ни охватить –
волшебен смысл

и восхищенье направляет русло песен
и вехи обретают пульс и пафос
Изнанки мир – великолепье Рима

(начало чтоб красой пренебрегало?..
спроси у памяти любой из единиц –
такое было разве?
скажут – не бывало)
какая тварь ряды смешала в крошево!!!

смахните соль заиндевевшую с ресниц

ГЛЯДЯ НАЗАД

перепечален и перелицован
саквояж эмоций перетряхнув
флейта завалялась

крошится тишина рядом
(время наперёд задом, засмирело)
надеясь на деянья духа,
коснись её дыханьем –
запоёт
ласковой скороговоркой

столбики света в паузы вселились
тьма осталась позади

вечная память всем миллионам
евреям цыганам
айсорам армянам
столбики света
миллионам ГУЛАГа
мора и глада
столбики света
миллионам Гражданской
столбики света
миллионам бесправных
уставших ушедших
столбики света

столбики света столбики света столбики
света столбики света столбики света
столбики
столбики
столбики
столбики света

21 апр. 2009 г.